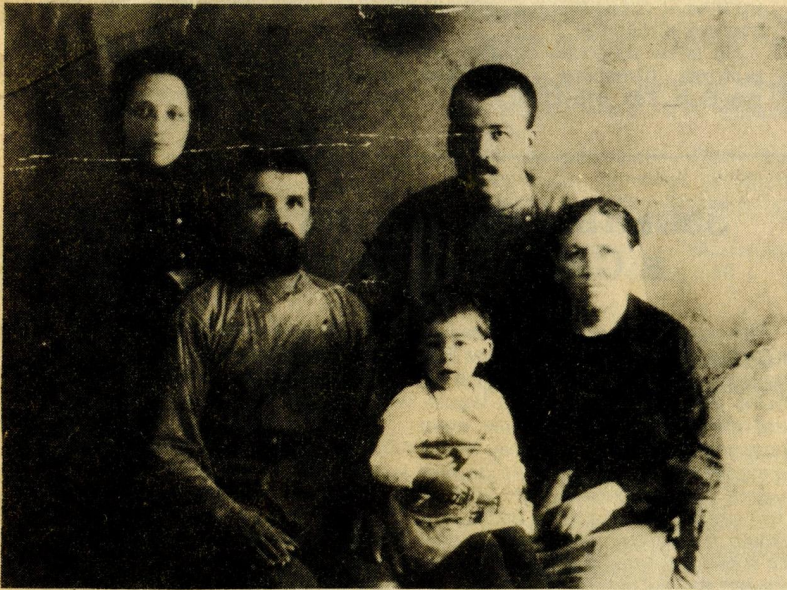

«Русская мысль»

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ

ОБ АРТЕМЕ ВЕСЕЛОМ
И ПИСАТЕЛЬСКИХ ДАЧАХ
В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

Писатель Артем Веселый с женой, дочерью и родителями (1927 год).
Снимок публикуется впервые.

С большим интересом и грустью прочел я в «Русской мысли» № 3548 очерк Анатолия Копейкина «Иные господа теперь гуляют здесь...» по поводу грустной судьбы дома Чуковских в Переделкине и неудачных попыток сохранения его как музея Корнея Чуковского. В рассказе есть некоторые неточности, являющиеся результатом официального засекречивания в СССР безобразий сталинского периода. Молодые литературоведы вынуждены зачастую работать ощу-

виями жизни в тесной квартирке на улице Тверской, где пришлось ютиться с женой, четырьмя детьми и старыми родителями, писатель не ждал, пока на выделенном ему участке начнут строить дом, но, как бывший плотник, в паре со своим отцом, бывшим самарским крочником, сам стал его воздвигать. Он был мастером на все руки, и весь дом он сам и отделал. Скоро после того, как дом на улице Серафимовича, 5 (где ныне живет писатель Валентин Катаев) был готов и

«Историческое отчаянье» и долг
русской эмиграции

Ответ Александру Зиновьеву

Альтернативы — вернуться или остаться — нет и не может быть. Есть только проблема — как жить с той третиной, которая расколола наше сознание, как перебросить мост между двумя полюсами, не способными ни сблизиться, ни перестать существовать. Зиновьев формулирует эту проблему в первых же строках: «У меня есть твердое намерение не возвращаться, хотя у меня есть страстное, мучительное желание вернуться». И эта стоящая перед русской эмиграцией проблема, сама по себе бездонная, еще больше осложняется тем, что происходит внутри эмиграции. Вероятно, именно это «внутри» придает интонациям Зиновьева столько резкости и пессимизма. Но его можно только благодарить за эту резкость. Без точного и прямого диагноза никакое лечение невозможно.

Когда я оказалась на Западе, одним из первых моих чувств была горечь перед неприглядным обликом многих сторон русской эмиграции. Люди разбивались на группы, которые упорно враждовали одна с другой (но и внутри каждой шла склока за лидерство или хотя бы близость к нему), поносили друг друга и тратили на это столько времени и энергии, что нельзя было удержаться от изумления: да помнят ли они, что у них за спиной остался все тот же архипелаг, еще более железобетонный, чем прежде? Именно за спиной, потому что они отворачивались от главного, поглощенные сведением своих счетов. Меня удручало это полное смещение перспективы, искажение всех масштабов, вечная мелочная калькуляция: кто сколько страдал в прошлом, кто недострадал, кто перестрадал, кто сколько получил в настоящем, кто недополучил и кто переполучил. Эмиграция сохраняла извечные пороки среднего русского интеллигента — краснобаиство, боязнь честной и жесткой самооценки, приверженность к убогим клише — помножив их на еще боль-

между этим малопривлекательным обликом эмиграции в нижнем белье, без чистой сорочки и без облагораживающей косметики — и значительностью, нет, огромной ценностью того, что создавалось либо ею самою, либо только благодаря ей, самому факту ее существования. Она вызвала к жизни целую прессу, ровную, пеструю, разноголосую, но упорно сосредоточенную на русских проблемах, — и эта пресса своей широтой поражает не только нас, приехавших из страны, где за газетой укрепилась функциональная роль оберточной или еще кое-какой бумаги. «У вас, русских, здесь столько всего издается! — с изумлением говорила мне одна женщина, прекрасно владеющая нашим языком. — Больше, чем у нас! Когда вы все это успеваете читать?»

Одной этой прессы было бы достаточно, чтобы оправдать нашу эмиграцию со всеми ее уязвимыми, а то и постыдными качествами. Первые недели на Западе я провела, захлебываясь в этом потоке. Ощущение России в нем было гораздо сильнее и живее, чем когда я жила в самой России, в кольце молчания и изоляции. («Когда в доме поддыхает телефон, когда не с кем даже пару слов сказать, когда лучшие друзья со всех сторон начинают тебя грязью поливать...») Чувство настоящего полного освобождения пришло ко мне не на земле венского аэродрома, — над страницами эмигрантской прессы.

Но и это было еще не все. Литература, которую успела создать за короткий срок наша эмиграция, до того ярка и многоохватна, что только мы, русские, способны видеть в ней нечто обычное или даже ощущать недовольство ею. Имена незачем называть — их все знают. Можно уверенно сказать, что литература эмиграции выше, лучше самой эмиграции. Невозможно перед этими десятками томов принять слова Зиновьева: «И нас

на» эмиграции жила младенческой надеждой на то, что Россия вот-вот опомнится и все в ней вернется на круги своя. «Перемещенные лица» после войны ждали, что со смертью Сталина откроются лагеря и можно будет опять пересечь границу...

Мы — первые, кто трезво знает, что ничья смерть ничего не изменит, что надеяться на «биологическое обновление» «либеральных технократов» у власти могут только западные журналисты. Архипелаг ГУЛАГ на наших глазах превращается в материк ГУЛАГ. Пожизненная эмиграция. Приговор окончательный.

Кто же мы тогда, пожизненно приговоренные, и что нам остается? С детства мне запомнился финал знаменитой книги Рея Бредбери. Библиотеки уничтожены, книги сжигаются, цивилизация вырвана с корнем. Но где-то вдалеке от городов скрываются люди, сохранившие в своей памяти сожженное. Ночами они сидят у костров и рассказывают друг другу наизусть страницы Монтеня, Платона и Свифта. — значит, это неуничтожимо, и наш Михаил Булгаков гораздо раньше Бредбери сказал свое «рукописи не горят». Если хотите, мы в эмиграции больше всего похожи на этих людей у костров. Да, мы предпочли бы действовать, но пока нам дано быть только памятью и словом. Это наш главный долг перед нашей страной, и если мы его выполним, «историческое отчаяние» власти над нами не поглотит. Долг нелегкий. Совсем не такой благодарный, как у людей Бредбери. Мне бы больше хотелось пересказывать у костра блистательные, язвительные, полные надежды страницы «Философского словаря» Вольтера, стихи Мандельштама об Ариосто или монологи Софокла, а не писать банальную и безнадёжную сагу о предательстве, лжи, доносах, вывихнутых судьбах, о полковниках КГБ во главе научных институтов. Но мы единственные, кто может сказать об этом и о

кине и неудачные попытки сохранения его как музея Корнея Чуковского. В рассказе есть некоторые неточности, являющиеся результатом официального засекречивания в СССР безобразий сталинского периода. Молодые литературоведы вынуждены зачастую работать ошупью и пользоваться не всегда верными сведениями из третьих рук.

Анатолий Колежкин пишет:

«Когда мы рылись под домом (Чуковских. — И.Ш.), то нашей мечтой было — раскопать архив Артема Веселого, автора книги «Россия, кровью умытая». Дело в том, что первым арендатором дома был этот пролетарский писатель, и когда он почувствовал, что тучи сгущаются, то куда-то упрятал свой архив, так что до сих пор он не найден. Были предположения, что он закопан под дачей. После того, как Артема Веселого арестовали и расстреляли, дом сдали К.И. Чуковскому в аренду».

Дело в том, что Артем Веселый никогда ничего общего с домом Чуковских не имел, разве только что жил по соседству, отделенный забором. В начале шестидесятых годов мне довелось тщательно исследовать жизнь и творчество Веселого, так как я тогда работал над польским переводом эпопеи «Россия, кровью умытая». (Кстати, узнав об этом, скончавшийся недавно выдающийся литературовед Виктор Шкловский сказал: — Батюшки, да это надо сначала перевести на русский язык! — имея в виду неповторимый язык этого произведения, своеобразные разговоры крестьян, солдат и матросов.) Желая предпослать тексту романа подробности сложной биографии тогда только что посмертно реабилитированного писателя, я отправился из Варшавы в Москву в поисках нужных материалов. Мне удалось разыскать дочерей писателя, Заяру и Гайру, и получить от них нужные сведения, перепечатки рукописей, первые издания книг и семейные фотографии. (Между прочим, архив писателя был уже тогда найден и среди бумаг был обнаружен план всех двадцати четырех глав романа «Россия, кровью умытая», из которых, как известно, автору удалось при жизни осуществить только девять.)

История же дома Артема Веселого такова: когда созданный в 1934 году при Союзе писателей СССР Литфонд приступил к строительству городка писателей «Переделкино» рядом со станцией Баковка Киевской ж.д., Артем Веселый был одним из первых, который туда переселился. Утомленный тяжелыми усло-

виями, он решил устроить открытый дом, но, как бывший плотник, в паре со своим отцом, бывшим самарским крочником, сам стал его воздвигать. Он был мастером на все руки, и весь дом он сам и отделал. Скоро после того, как дом на улице Серафимовича, 5 (где ныне живет писатель Валентин Катаев) был готов и семья Веселых в него въехала, хозяйка внезапно арестовали за принадлежность в двадцатых годах к литературной группе «Перевал», объявленной в 1937 году контрреволюционной. После расстрела писателя его осиротевшую семью тут же из дома выбросили и вселили в комнату коммунальной квартиры.

За собственноручно построенный Артемом Веселым дом разгорелась ожесточенная борьба между двумя столпами советской литературы — Ильей Эренбургом и Валентином Катаевым. Одержал верх Эренбург, но он был тогда военным корреспондентом в Испании, а когда приехал на время в Москву, ему отказали в паспорте. Поглощенный свалившейся на него опалой, он не торопился занять отведенный ему дом. Он написал письмо Сталину — и не получил ответа. Все в Москве считали, что судьба его решена. В пустующий дом Артема Веселого неожиданно вселился Катаев с семьей.

Однажды я спросил у Катаева, какова причина его многолетней и столь непримиримой вражды с Эренбургом. Катаев, не смущаясь, сказал, что все началось из-за этого дома.

— Я уже пережил факт, что дом Артема Веселого достался Эренбургу, когда неожиданно позвонил Фадеев и велел мне срочно явиться. Когда я пришел к нему, он сказал: «Слушай, Валя, я только что поставил свою подпись на ордере на арест Ильи Григорьевича. Можешь взять ключи в Литфонде и занять бывший дом Артема Веселого». Я, не мешкая, так и сделал, а через день стало известно, что Эренбургу удалось еще раз выпутаться. Второе его письмо попало к Сталину — и он тотчас же уехал в Испанию. И хотя он потом получил шикарную дачу в Новом Иерусалиме, он до сих пор относится ко мне злопыхательски, — завершил свой рассказ Катаев.

«Habent sua fata domi» — дома имеют свою судьбу (особенно в СССР) — скажем, модифицируя известную латинскую поговорку о книгах.

ИГНАТИЙ ШЕНФЕЛЬД

Мюнхен

доложить ему устно, кому отдать строну страдал, кто сколько получил в настоящем, кто недополучил и кто переполучил. Эмиграция сохраняла извечные пороки среднего русского интеллигента — красноречие, боязнь честной и жесткой самооценки, приверженность к убогим клише — помножив их на еще большую злость мысли, которая неизбежно создается замкнутостью и кружковщиной. Было тяжело видеть, как люди, располагающие возможностью говорить самим и давать другим слово или лишать его, пользовались этой властью в своих кружковых интересах и отворачивались от фактов или мнений, не лжившихся в принятые или схемы, но зато выражали радостное умиление перед любой «тезой», представленной явно недобросовестными или катастрофически недалекими людьми, если она этим схемам льстила или позволяла искусственно поддерживать их.

Но тем более поразил меня контраст

Точка зрения

Немного о романе Булгакова

На страницах «Русской мысли» от 15 ноября с.г. о романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» можно прочесть буквально следующее: «...в романе... Богочеловек представлен только в своем человеческом облике и в своей человеческой судьбе» (статья И. Сермана «Заметки на полях»).

С точки зрения христианской веры, высказывание И. Сермана бессмысленно, поскольку в каждый миг своего земного существования Христос одновременно и человек, и Бог, и Его не дано разделить ни романистам, ни критикам.

Статья И. Сермана — очередная рекомендация романа М. Булгакова. В ожидании, быть может, подробного разбора этого произведения мне хочется напомнить, что после его публикации были произнесены и слова предостережения: один из авторов Самиздата назвал этот роман «Евангелием от Воланда», т.е. сатаны.

И в самом деле, пока ни один филолог не поставил вопроса, несмотря на все недоверие к советской власти, о мотивах публикации романа советским журналом в 1966 г. В этом произведении между тем утверждается, что Евангелие не есть достоверный источник о Богочеловеке Христе, а сам роман претендует быть этим источником, хотя и не навязчиво, не в доктринальной форме, а «художественно» развертывая фантазии писателя. Последний даже и не скрывает, что рассказчики — Мастер (он же Бул-

гатов), посколькy именно неприятные и комичные персонажи произносят слова и делают жесты, собственные христианам. Скандалистка Аннушка по прозвищу «Чума» крестится, жадный домоуправ Босой восклицает: «С нами крестная сила!». Именно бес приветствует словами: «Мир вам», — и буквально повторяет приветствие, заповеданное Христом апостолам в подлинном Евангелии. Несимпатичный буфетчик Соков оказывается «богобоязненным». И все это, начиная с эпиграфа из «Фауста» Гёте и кончая «балом у сатаны», подано читателю в веселой и заманчивой упаковке блестящего литературного произведения. Но тем и страшен источник этой веселости, из которого вышли и многие беспричинные — не вызванные никакими потребностями композиции или стиля — намеки на реально существовавших лиц. Ни филологи, ни даже верующие христиане — поклонники М. Булгакова — не задумались, например, с какой стати он называет среди веселящихся в ресторане МАССОЛИТа и «какого-то Иоганна из Кронштадта».

Признаться, мысль написать это письмо в редакцию пришла мне за чтением произведения совсем другого рода, адресованного православным христианам столет тому назад, где есть и такие строки: «Сколько уст немецот, когда нужно защитить в обществе славу Божию и святых Его, на которую наносят хулу сыны века сего, — и немецот перед ними!

Если наша судьба трагичнее, чем у прежних русских эмигрантов, то в чем-то она цельнее и шире. Превящая русская эмиграция никого не представляла. Как бы талантлива ни была волна, хлынувшая из страны после Октябрьской революции (во много раз талантливее, чем теперешняя), она с самого начала была обломком бывшей России, уже переставшей существовать. Мы — плоть от плоти той России, которая сейчас существует. Мы с начала до конца делили с ней все, и это никогда не даст нам почувствовать себя «отщепенцами». Мое поколение в раннем детстве пережило войну и послевоенные годы. Мы знаем, что такое блокадная осмущка хлеба, как на твоих глазах одного за другим выносят за дверь трупы твоих близких (они такие легкие и маленькие), что такое горящая степь, немецкие самолеты над обезумевшими людьми на дорогах, немецкий револьвер у вашего лица (еще бы, когда ваш рост — как раз до кобуры), голод, бездомность, развалины и великое счастье надежд после войны, и преданность земле, по которой мы прошли этот путь. Никто из нас не жил в себе — через наши детские души как будто несся поток без берегов. «Какая музыка была, какая музыка играла...»

Нас не пугала жизнь в коммунальных квартирах, работа за гроши, пустые магазины, — нам казалось, что мы жили для чего-то огромного, несоизмеримого с этими мелочами. Пока мы не поняли, что живем и работаем ради разжиревшей, циничной номенклатуры, откровенно презирающей нас за наш энтузиазм и лояльность. Но и в этом мы разделяли судьбу с огромной массой своего народа. И поэтому к нашему долгу присоединяется полное право говорить за него — пока «народ безмолвствует».

Разве всего этого мало, чтобы перечеркнуть «историческое отчаяние»? Нет, не перечеркнуть, а переплавить его в те самые память и слово, которые только и могут быть сейчас нашим единственным действием. Для нас не может быть счастливого конца, но кроме нас никто не подготовит его для будущего поколения. Мы никогда не вернемся — зато вернутся наши дети — русские из Оклахомы, Монреаля, Парижа. Может быть, это будут единственные русские со свободной головой и со свободной волей, которые останутся тогда на земле. Советская психиатрия своими стахановскими темпами догоняет и перережет даже ликеро-водочное производство — кто знает, что

Владимир Набоков и Советская Россия

По поводу статьи Василия Есенина

оно и не может быть